

DOI 10.37386/2305-4077-2021-3-196-204

Т. А. Богумил¹*Алтайский государственный педагогический университет***ДЕНДРООБРАЗ СИБИРИ: ЛИСТВЕННИЦА**

Дендробраз Сибири рассматривается в контексте геопозитики и этнодендрологии. Предлагаемый анализ впервые систематизирует мотивы, связанные с образом лиственницы, одного из важнейших деревьев региона. Материалами исследования являются научные труды по этнографии и фольклористике, русская и русскоязычная художественная литература XIX–XX вв. о Сибири. В названии дерева отражен его двойственный статус: хвойное, но как листопадное. Неопределенным является и «гендер» лиственницы: мужское / женское. Лиственница занимает «промежуточное» положение в системе ключевых дендробразов сибирского текста: между кедром и березой. Лиственница может быть связана с универсальными древесными мифологемами (Мировое дерево, Дерево жизни и смерти, родовое дерево и пр.), однако наиболее отчетливо воплощает базовый концепт Сибири как пространства насилия, каторги, ссылки, концлагеря.

Ключевые слова: сибирский текст, образ дерева, мифопозитика, Колыма, ГУЛАГ, В. Шаламов, А. Солженицын, С. Залыгин.

T. A. Bogumil*Altai State Pedagogical University***TREE IMAGE OF SIBERIA: LARCH**

The dendroimage image of Siberia is considered in the context of geopoetics and ethnodendrology. For the first time the proposed analysis systematizes the motives associated with the image of larch, one of the main trees in the region. The research materials are scientific works on ethnography and folklore studies, Russian and Russian-language fiction about Siberia written in the XIX-XX centuries. The name of the tree reflects its dual status: coniferous and deciduous simultaneously. The “gender” of the larch is also indeterminate: male / female. The larch has an «intermediate» position in the system of the most important dendroimages of the Siberian text: between cedar and birch. It can be associated with universal tree mythologemes (World Tree, Tree of Life and Death, family tree, etc.), but it most clearly embodies the basic concept of Siberia as a space of violence, hard labor, exile, concentration camps.

Key words: Siberian text, image of a tree, mythopoetics, Kolyma, Gulag, V. Shalamov, A. Solzhenitsyn, S. Zalygin.

Природное пространство под взглядом человека преобразуется в культурный феномен [Cauquelin, 2000, с. 89]. Геопозитический образ локуса максимально концентрированно представлен в произведениях искусства [Абашев, 2012, с. 13]. Начиная с летописей о походе Ермака описание Сибири обязательно включает в себя реки, горы, флору и фауну. Географически под Сибирью здесь подразумевается территория от Урала до Тихого океана, ограниченная на севере Северным Ледовитым океаном, на юге – границами России с Казахстаном, Монголией и Китаем. Предметом настоящего исследования

¹ Татьяна Александровна Богумил, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).

является неотъемлемый аспект литературного образа Сибири – древесный. Методологически работа основывается на трудах по этнодендрологии [Агапкина, 2012], [Агапкина, 2013], мифологии дерева [Топоров, 2010] и поэтике «языка деревьев» [Эпштейн, 1990].

В Сибири преимущественно растут хвойные породы: лиственница, сосна, ель, пихта, кедр. Распространенные лиственные породы – береза, тополь и осина (тополь дрожащий). В литературе о Сибири, как правило, все эти деревья упоминаются с целью создания достоверного пейзажа. В художественных произведениях семантический потенциал дендробразов реализуется неравномерно. С точки зрения геоэтики, интересующейся культурными образами определенного локуса, наиболее репрезентативными для Сибири являются лиственница, кедр и береза. В центре внимания настоящего исследования находится лиственница, «портреты» других деревьев будут рассмотрены в последующих статьях.

У коренных народов Сибири лиственница была почитаемым деревом, участвовала в обрядовой практике, выполняя функцию родового дерева [Бутанаев, 2011, с. 112], [Балалаева, Плужников, 2019, с. 83], средства шаманского путешествия и др. Северные ханты практиковали лечение человека при помощи «дырявой» лиственницы: протаскивали вещи больного через отверстие в ствол, чтобы «возродить» человека [Головнев, 1995, с. 534–535]. Согласно представлениям алтайцев, деревья с пышной переплетенной кроной, образующей шарообразный нарост на верхушке или середине ствола, принадлежат шаману, поэтому к ним нельзя было приближаться [Кыпчакова, 2006, с. 132], [Тадышева, 2018, с. 122]. Особенно частотное использование лиственницы в погребальной обрядности [Кубарев, 1978, с. 94], [Ачимова, 2012, с. 6], что обусловлено как реальными качествами дерева – его твердой, прочной и долговечной структурой, так и универсальной символикой любого хвойного дерева, связанной с идеями возрождения и бессмертия.

В мифологии народов Сибири лиственница существует не изолированно, но вступает в разнообразные отношения с другими деревьями. Алтайским народам свойственно представление о березе как медиаторе с верхним миром, кедре – с нижним и лиственнице как дереве среднего мира [Волдина, 2015, с. 85–86]. По верованиям хантов и манси, хвойные «темные» деревья, связанные со смертью, противопоставлены «светлой» березе с ее значением рождения, исцеления и жизни. При этом кедр и лиственница несут альтернативные возможности. «Если человека находят захороненным на вершине лиственницы, его можно оживить, если на кедре – он умер безвозвратно» [Содномпилова, 2018, с. 337].

Исконные мифологические представления о лиственнице проникают в произведения писателей, представителей младописьменной литературы Сибири, поскольку «лексика, тематика и содержание» подобных текстов «культурно, географически и исторически обусловлены национальными корнями автора» [Полторацкий, 2013, с. 128]. Например, в рассказе современного алтайского

прозаика Д. Каичина «Перевал» (2002) в современные реалии введен образ Священной Лиственницы, связывающей человека с его родом, Алтаем и миром в целом. Сон героя о противостоянии Лиственницы и трактора символизирует конфликт природы и цивилизации. Экологическая проблематика углубляется в сферу субъективного, становится аспектом вопроса о сохранении души и самоидентичности [Текенова, 2008].

В русской литературе лиственница изначально возникает в публицистических жанрах. Так, Г. Н. Потанин в очерке «Полгода на Алтае» (1859) дал не самую лестную характеристику эстетическим достоинствам лиственницы. Разнообразие форм дерева, по мнению областника, «доходит до уродливости», лиственница отличается «полным отсутствием грации; в середине дерева возвышается ствол, прямой, как свеча, ни мало не починяясь прихотливому распределению ветвей» [ОА², т. 1, с. 46]. Сравнение лиственницы со свечой неожиданно находит подкрепление в мотиве горения, сопровождающем образ лиственницы в последующей литературе. Часто с огнем сопоставляется пожелтевшая осенняя хвоя дерева. Например, в стилизации И. Т. Ерошина «Вышла утром...» (1925) написано: «Светлым огнем / Горит лиственница» [Ерошин, 1961, с. 136]; в крохотке «Лиственница» (1996) А. И. Солженицына хвоя «дружно осыпается и празднично – мельканием солнечных искр» [Солженицын, 2007, с. 557].

Двойственный статус лиственницы – между хвойными и листопадными – подкрепляется неоднозначными гендерными проекциями этого дерева. В мифологии народов Сибири лиственница мыслилась как существо и мужского, и женского пола. Так, у бурят лиственница отождествлялась с мужчиной [Содномпилова, 2018, с. 336]. В переводном стихотворении хантыйского писателя Г. Д. Лазарева «Лиственница» (1961) дерево уподоблено матери, дарующей силы человеку. Для русского языка органичнее женский пол дерева, что следует из грамматических признаков слова. В. Г. Распутин в «Прощании с Матерой» (1976) избежал двусмысленности, наделив главное культовое дерево, своего рода Мировую ось Матеры – лиственницу – мужским родом. Семантизация образа Лиственя у писателя происходит на основе «слияния общеславянской мифологической системы и языческих представлений народов Сибири» [Куликова, 2016, с. 214]. В роли главного мужского дерева, парного женской березе, Листвень Распутина оказывается семантическим соперником кедр (см., например, аллегорическую сказку В. Я. Шишкова «Кедр»). Литературная конкуренция дендрообразов кедр и лиственницы отражает реальные особенности произрастания этих пород: «Среди кудрявого кедрача давно-давно когда-то появилась одна лиственница, и она обсемила вокруг себя поляну, а теперь можно было различить и эту материнскую лиственницу, и молодую поросль, распространившуюся в направлении господствующих ветров, и те кедр, которые лиственницей уже начали угнетаться. <...> Все было видно: где лиственница теснит кедр, где – кедр лиственницу...» [ОА, т. 4, с. 337–338].

² Здесь и далее аббревиатура ОА отсылает к следующему изданию: [Образ Алтая...].

Элементы дерева традиционно уподобляются частям тела человека или животного [Агапкина, 2012]. Обращает на себя внимание частотность упоминаний о ветвях лиственницы в деструктивном контексте. Например, в повести Ю. Я. Козлова «Белый бом» (1978): «Обломанные сучья сухими пальцами торчали во все стороны» [ОА, т. 5, с. 89]; в романе В. Я. Зазубрина «Горы» (1933): «Лиственница торчала над маральником обломанным мертвым рогом зверя» [ОА, т. 3, с. 178]; в «Прощании с Матерой» с мощной нижней веткой Лиственя связаны многочисленные смерти людей (суицид, повешенье, падение) [Распутин, 2007, с. 189–190]. Сюжеты вышеупомянутых произведений строятся на мотиве насилия человека над природой и другим человеком: Гражданская война у Козлова, коллективизация у Зазубрина, Гражданская война, строительство ГЭС и затопление деревень у Распутина.

Отдельная тематическая линия, связующая мотив насилия, образ лиственницы и пространство Сибири, – ссыльно-каторжная. Пожалуй, первая реплика здесь принадлежит А. П. Чехову, который посетовал в путевых заметках «Остров Сахалин» (1891–1893): «Ни сосны, ни дуба, ни клена – одна только лиственница, тощая, жалкая, точно огрызенная, которая служит здесь не украшением лесов и парков, как у нас в России, а признаком дурной болотистой почвы и сурового климата» [Чехов, т. 14/15, с. 56–57]. Весомое слово о лиственнице как квинтэссенции лагерного опыта сказал В. Т. Шаламов в «Колымских рассказах» (1967), в пятом цикле и одноименном рассказе «Воскрешение лиственницы» (1966). Характеризуя негативную антропологию писателя, В. А. Подорога выделил лиственницу – «исток символизации В. Ш. отрицательного гулаговского опыта» [Подорога, 2016, с. 77], «самый мощный мнемонический символ ГУЛАГа» [Подорога, 2016, с. 85]. Лиственница сочетает амбивалентные понятия: «...дерево мертвых и живых, т. е. дерево пыток и казни, смерти и жизни, забвения и воскресения» [Подорога, 2016, с. 78], «тления и стойкости» [Ганущак, 2003, с. 12]. Это дерево чуда воскрешения, происходящего благодаря памяти человека [Старикова, 2013, с. 181]. Шаламов подчеркнул, что лиственница – «дерево, непригодное для романсов <...>. Здесь слово другой глубины, иной пласт человеческих чувств» [Шаламов, 1998, с. 276]. Это «очень серьезное» дерево, подлинное дерево «познания добра и зла, – не яблоня, не березка!», «дерево Колымы, дерево концлагерей» [Шаламов, 1998, с. 275]. По мнению исследователей, яблоня актуализирует христианский контекст, а береза – языческий. В противовес деревьям, связанным с религией и духовностью, лиственница – «дерево “сухой реальности” этой земли – древо царства ада на земле» [Жербер, Эртнер, 2018, с. 125].

Мортальная семантика лиственницы исподволь присутствует и в произведениях, лишенных историческо-политических, экологических и др. конфликтов общественного масштаба. Так, в романе С. П. Залыгина «Тропы Алтая» (1959–1961) на совершенно мирную тематику от аппендицита умирает девушка. Она участвовала в полевых работах по составлению карты растительных

ресурсов Горного Алтая – занималась обмером лиственниц, чтобы опровергнуть мнение некоторых ученых о вырождении лиственницы на Алтае. Девушке в мечтах виделись разросшиеся лиственничные леса через тысячи лет, она хотела доказать, что «лиственница не умрет никогда и ни за что» [ОА, т. 4, с. 45]. Если хвоинки дерева перенесли молодую исследовательницу в далекое будущее, то спил дерева позволял заглянуть «на триста лет назад, на триста вперед» [ОА, т. 4, с. 53], совершить открытие. Лиственница оказывается проводником во времени и совсем не в мистическом, а в научном смысле. Человек смертен, но его вклад в науку и другие виды созидательной деятельности продолжает существовать.

Мотив преодоления смерти и вечной жизни сопровождает образ дерева в «крохотке» А. И. Солженицына «Лиственница» (1996). «Диковинность» дерева состоит в парадоксальном единстве противоположностей: хвойное, но осенью осыпается, как лиственное; «сердцем» мягка, но «сердцевинной» тверда; гибнет, но весной возвращается. Завершает притчу-параболу (так атрибутирует жанр М. П. Кизима [Кизима, 2020]) психологический параллелизм – «и люди такие есть» [Солженицын, 2007, с. 557]. Совокупность указанных признаков (выбор породы дерева, его чудесность, амбивалентность, соотнесенность с человеком), а также схожий биографический опыт авторов (отбывание срока в лагере по «политической статье») и направленность литературного творчества (лагерная проза) позволяют предположить, что текст Солженицына ориентирован на претекст Шаламова. При интертекстуальном контакте семантика лиственницы приобрела более универсальный, общечеловеческий смысл, тогда как соотнесенность дерева с репрессиями и концлагерями ушла в подтекст.

Таким образом, лиственница занимает «промежуточное» положение в системе дендрообразов Сибири: между вечнозелеными хвойными и листопадными, мужским и женским полом, живым и мертвым. Как и любое дерево, лиственница может быть связана с мифологемой Мирового дерева и сопутствующими древесными мифологемами. Из всех деревьев Сибири лиственница наиболее отчетливо воплощает базовый концепт Сибири как пространства насилия, каторги, ссылки, концлагеря.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абашев, В. В. Русская литература Урала: проблемы геопоэтики / В. В. Абашев. – Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2012. – 140 с.

Агапкина, Т. А. Дерево и человек: одна судьба на двоих / Т. А. Агапкина // *Ethnolinguistica Slavica*: сб. ст. / отв. ред. С. М. Толстая. – Москва: Индрик, 2013. – С. 42–58.

Агапкина, Т. А. Деревья в традиционной культуре славян: проблема системного описания / Т. А. Агапкина // *Этнографическое обозрение*. – 2012. – № 6. – С. 29–43.

Ачимова, А. А. Растения Горного Алтая в обычаях и традициях алтайцев / А. А. Ачимова. – Барнаул: Арктика, 2012. – 100 с.

Балалаева, О. Э. Миф о Мировом древе в шаманстве народов Сибири / О. Э. Балалаева, Н. В. Плужников // Этнографическое обозрение. – 2019. – № 3. – С. 80–95. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150005293-2>.

Бутанаев, В. Я. Будни и праздники Хонгорая / В. Я. Бутанаев. – Абакан: Журналист, 2011. – 316 с.

Волдина, Т. В. Образ древа жизни в традиционной культуре обских угров в контексте реинкарнации / Т. В. Волдина // Финно-угорский мир. – 2015. – № 4 (25). – С. 84–90.

Ганущак, Н. В. Творчество Варлама Шаламова как художественная система: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Н. В. Ганущак. – Тюмень, 2003. – 26 с.

Головнев, А. В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров / А. В. Головнев. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 606 с.

Ерошин, И. Е. Песни Алтая / И. Е. Ерошин. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1961. – 150 с.

Жербер, Ж. Природа как «место памяти» в русской прозе о ГУЛАГе / Ж. Жербер, Е. Н. Эртнер // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2018. – Т. 4. – № 4. – С. 120–133.

Кизима, М. П. Жанровое своеобразие малых форм прозы А. И. Солженицына («Крохотки» 1958–1963, 1996–1999) / М. П. Кизима // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2020. – № 63. – С. 191–208. DOI: <https://doi.org/10.17223/19986645/63/11>.

Кубарев, В. Д. Древнетюркский поминальный комплекс на Дьер-Тебе / В. Д. Кубарев // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 86–98.

Куликова, И. М. Мифологическая парадигма в моделировании художественного пространства в творчестве В. Распутина / И. М. Куликова // Символ науки. – 2016. – № 3–4(15). – С. 210–215.

Кыпчакова, Л. В. К вопросу о культе деревьев у алтайцев / Л. В. Кыпчакова // Сибирский педагогический журнал. – 2006. – № 3. – С. 130–136.

Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв.: антология: в 5 т. / под общ. ред. А. И. Куляпина. – Барнаул: ИД «Барнаул», 2013.

Подорога, В. А. Дерево мёртвых: Варлам Шаламов и время ГУЛАГа (опыт отрицательной антропологии) / В. А. Подорога // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2016. – № 3. – С. 74–102.

Полторацкий, И. С. Некоторые теоретические аспекты изучения младописьменных литератур / И. С. Полторацкий, И. В. Силантьев, Н. М. Широбокова // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 4. – С. 124–131.

Распутин, В. Г. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4: В ту же землю / В. Г. Распутин. – Иркутск: Сапронов, 2007. – 440 с.

Содномпилова, М. М. Природное окружение в контексте образа «мира мертвых» в мировоззрении бурят: лес и дерево / М. М. Содномпилова // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2018. – № 7. – С. 335–339.

Солженицын, А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 1: Рассказы и крохотки / А. И. Солженицын. – Москва: Время, 2007. – 672 с.

Старикова, Л. С. Мотив чуда в цикле В. Шаламова «Воскрешение лиственниц» / Л. С. Старикова // Вестник КемГУ. – 2013. – № 4 (56). – Т. 1. – С. 180–183.

Тадышева, Н. О. Отражение культа дерева в традиционном мировоззрении тюрков Саяно-Алтая / Н. О. Тадышева // Вестник Томского государственного университета. История. – 2018. – № 51. – С. 118–123. DOI: <https://doi.org/10.17223/19988613/51/17>.

Текенова, У. Н. Мифопоэтические образы в рассказе Дибаша Каинчина «На перевале» / У. Н. Текенова // Филология и человек. – 2008. – № 4. – С. 110–116.

Топоров, В. Н. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы: в 2 т. Т. 2. / В. Н. Топоров. – Москва: Рукопис. памятники Древней Руси, 2010. – 496 с.

Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 14/15: Из Сибири. Остров Сахалин. 1890–1895 / А. П. Чехов. – Москва: Наука, 1978. – 927 с.

Шаламов, В. Т. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2: Колымские рассказы / В. Т. Шаламов. – Москва: Художественная литература, Вагриус, 1998. – 508 с.

Эпштейн, М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии. – Москва: Высшая школа, 1990. – 302 с.

Cauquelin, A. L'invention du paysage / A. Cauquelin. – Paris: PUF, 2000. – 180 p.

REFERENCES

Abashev, V. V. Russkaya literatura Urala: problemy geopoetiki / V. V. Abashev. – Perm': Perm. gos. nats. issl. un-t, 2012. – 140 с.

Achimova, A. A. Rasteniya Gornogo Altaya v obychayakh i traditsiyakh altaytsev / A. A. Achimova. – Barnaul: Arktika, 2012. – 100 s.

Agapkina, T. A. Derevo i chelovek: odna sud'ba na dvoikh / T. A. Agapkina // Ethnolinguistica Slavica: sb. st. / otv. red. S. M. Tolstaya. – Moskva: Indrik, 2013. – S. 42–58.

Agapkina, T. A. Derev'ya v traditsionnoy kul'ture slavyan: problema sistemnogo opisaniya / T. A. Agapkina // Etnograficheskoye obozreniye. – 2012. – № 6. – S. 29–43.

Balalayeva, O. E. Mif o Mirovom dreve v shamanstve narodov Sibiri / O. E. Balalayeva, N. V. Pluzhnikov // Etnograficheskoye obozreniye. – 2019. – № 3. – S. 80–95. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150005293-2>.

Butanayev, V. Ya. Budni i prazdniki Khongoraya / V. Ya. Butanayev. – Abakan: Zhurnalist, 2011. – 316 s.

Chekhov, A. P. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 30 t. T. 14/15: Iz Sibiri. Oстров Sakhalin. 1890–1895 / A. P. Chekhov. – Moskva: Nauka, 1978. – 927 s.

Eroshin, I. E. Pesni Altaya / I. E. Eroshin. – Barnaul: Alt. kn. izd-vo, 1961. – 150 s.

Ganushchak, N. V. Tvorchestvo Varlama Shalamova kak khudozhestvennaya sistema: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01 / N. V. Ganushchak.– Tyumen', 2003.– 26 s.

Golovnev, A. V. Govoryashchiye kul'tury. Traditsii samodiytsev i ugrov / A. V. Golovnev.– Ekaterinburg: UrO RAN, 1995.– 606 s.

Kizima, M. P. Zhanrovoye svoeobrazie malykh form prozy A. I. Solzhenitsyna («Krokhotki» 1958–1963, 1996–1999) / M. P. Kizima // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya.– 2020.– № 63.– S. 191–208. DOI: <https://doi.org/10.17223/19986645/63/11>.

Kubarev, V. D. Drevnetyurkskiy pominal'nyy kompleks na D'yer-Tebe / V. D. Kubarev // Drevniye kul'tury Altaya i Zapadnoy Sibiri.– Novosibirsk: Nauka, 1978.– S. 86–98.

Kulikova, I. M. Mifologicheskaya paradigma v modelirovanii khudozhestvennogo prostranstva v tvorchestve V. Rasputina / I. M. Kulikova // Simvol nauki.– 2016.– № 3–4(15).– S. 210–215.

Kypchakova, L. V. K voprosu o kul'te derev'yev u altaytsev / L. V. Kypchakova // Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal.– 2006.– № 3.– S. 130–136.

Obraz Altaya v russkoy literature XIX–XX vv.: antologiya: v 5 t. / pod obshch. red. A. I. Kulyapina.– Barnaul: ID «Barnaul», 2013.

Podoroga, V. A. Derevo mertvykh: Varlam Shalamov i vremya GULAGa (opyt otritsatel'noy antropologii) / A. A. Podoroga // Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy.– 2016.– № 3.– S. 74–102.

Poltoratskiy, I. S. Nekotorye teoreticheskie aspekty izucheniya mladopis'mennykh literatur / I. S. Poltoratskiy, I. V. Silant'ev, N. M. Shirobokova // Sibirskiy filologicheskiy zhurnal.– 2013.– № 4.– S. 124–131.

Rasputin, V. G. Sobraniye sochineniy: v 4 t. T. 4: V tu zhe zemlyu / V. G. Rasputin.– Irkutsk: Sapronov, 2007.– 440 s.

Sodnompilova, M. M. Prirodnoye okruzheniye v kontekste obraza «mira mertvykh» v mirovozzrenii buryat: les i derevo / M. M. Sodnompilova // Evraziya v kaynozoye. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury.– 2018.– № 7.– S. 335–339.

Solzhenitsyn, A. I. Sobraniye sochineniy: v 30 t. T. 1: Rasskazy i krokhotki / A. I. Solzhenitsyn.– Moskva: Vremya, 2007.– 672 s.

Starikova, L. S. Motiv chuda v tsikle V. Shalamova «Voskresheniye listvennitsy» / L. S. Starikova // Vestnik KemGU.– 2013.– № 4 (56).– T. 1.– S. 180–183.

Tadysheva, N. O. Otrazheniye kul'tadereva v traditsionnom mirovozzrenii tyurkov Sayano-Altaya / N. O. Tadysheva // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya.– 2018.– № 51.– S. 118–123. DOI: <https://doi.org/10.17223/19988613/51/17>.

Tekenova, U. N. Mifopoeticheskiye obrazy v rasskaze Dibasha Kainchina «Na perevale» / U. N. Tekenova // Filologiya i chelovek.– 2008.– № 4.– S. 110–116.

Toporov, V. N. Mirovoye derevo. Universal'nyye znakovyye komplekсы: v 2 t. T. 2. / V. N. Toporov.– Moskva: Rukopis. pamyatniki Drevney Rusi, 2010.– 496 s.

Shalamov, V. T. Sobraniye sochineniy: v 4 t. T. 2: Kolymskiye rasskazy / V. T. Shalamov. – Moskva: Khudozhestvennaya literatura, Vagrius, 1998. – 508 s.

Epshteyn, M. N. «Priroda, mir, taynik vselennoy...»: sistema peyzazhnykh obrazov v russkoy poezii. – Moskva: Vysshaya shkola, 1990. – 302 s.

Voldina, T. V. Obraz dreva zhizni v traditsionnoy kul'ture obskikh ugrov v kontekste reinkarnatsii / T. V. Voldina // Finno-ugorskiy mir. – 2015. – № 4 (25). – S. 84–90.

Zherber, Zh. Priroda kak «mesto pamyati» v russkoy proze o GULAGe / Zh. Zherber, E. N. Ertner // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya. Humanitates. – 2018. – T. 4. – № 4. – S. 120–133.

Cauquelin, A. L'invention du paysage / A. Cauquelin. – Paris: PUF, 2000. – 180 p.